

Т. С. Лазарева

«СВОИМ РОЖДЕНИЕМ Я ОБЯЗАН ЭТОМУ ВРЕМЕНИ»: СУДЬБА АЛЕКСАНДРА ФАДЕЕВА

В статье рассматривается деятельность А. А. Фадеева на посту генерального секретаря и председателя правления Союза писателей СССР. Приводятся воспоминания современников, анализируется внутренний конфликт А. А. Фадеева, загадка последних дней жизни писателя. Его жизнь и деятельность рассмотрены в связи с 120-летним юбилеем со дня рождения писателя.

Ключевые слова: Александр Фадеев, русская литература XX века, советская литература, сталинизм, Союз писателей СССР.

На фоне громкого юбилея Достоевского в 2021 году как-то затерялись две даты, связанные с советским классиком, которого мы все учили в школе, а потом забыли вместе с понятием «социалистический реализм». 120 лет назад родился и 65 лет назад покончил с собой Александр Александрович Фадеев, автор книг «Разгром» и «Молодая гвардия», руководивший отечественной литературой во времена Сталина.

Если мы остановим человека на улице и спросим, кто такой Александр Фадеев, то с большей долей вероятности услышим следующее: классик советской прозы, глава Союза писателей, проводник линии партии в творческой среде. Причём лучше спрашивать представителей старшего поколения, молодёжь, услышав фамилию Фадеев, скорее всего, просто пожмёт плечами. Если и вспомнят, то в негативном ключе: будут рассуждать про отсутствие таланта, преклонение перед вождём, репрессии в писательской среде и алкоголизм, который будто бы и стал причиной его самоубийства... Но если мы обратимся к исторически достоверным фактам и постараемся очистить биографию знаменитого писателя от вульгарных трактовок и наносной шелухи, то перед нами встанет совершенно другой Фадеев. Уже не победно бронзовеющий «литературный генерал», любимец Сталина и распределитель машин, путёвок и писательских дач, а трагическая фигура мастера, наделённого большим талантом, равнодушного, совестливого и напрасно расточившего свои силы и свой дар. Эта двойственность и является причиной того, что личность Александра Фадеева до сих пор вызывает неподдельный интерес у исследователей и читателей несмотря на то, что сегодня книги писателя издаются редко и выброшены из школьной программы.

История жизни Александра Фадеева похожа на увлекательный байопик. Бывший красный партизан, герой Гражданской войны приехал покорять

столицу с Дальнего Востока. Он добился славы, богатства и успеха, был ласково принят власть имущими. Но как тяжело ему пришлось за это расплачиваться! Александр Фадеев, подобно писателям, которых он громил с высокой трибуны, стал жертвой системы, которую превозносил и боготворил. Она уничтожила его как писателя и как личность.

Когда Фадеев на переделкинской даче застрелился из револьвера, оставшегося с Гражданской войны, поэт-фронтовик Борис Абрамович Слуцкий написал стихотворение. Стихотворение называлось «Герой». Большинство читателей не знают, о каком герое речь. Это стихотворение станет смысловым стержнем данной статьи. Приведём его полностью, сопровождая историческим комментарием:

*Отвоевался, отиутился,
отпраздновал, отговорил.
В короткий некролог вместился
весь список дел, что он творил. [6, с. 150]*

Некролог руководителю советской литературы, который сочиняли лично Суслов и Шепилов, содержал следующий диагноз: «А. А. Фадеев в течение многих лет страдал прогрессирующим недугом — алкоголизмом. За последние три года приступы болезни участились и осложнились дистрофией сердечной мышцы и печени. Он неоднократно лечился в больнице и санатории (в 1954 г. — четыре месяца, в 1955 г. — пять с половиной месяцев и в 1956 г. — два с половиной месяца). 13 мая в состоянии депрессии, вызванной очередным приступом недуга, А. А. Фадеев покончил жизнь самоубийством» [Цит. по: 9, с. 293].

Провожая Фадеева в последний путь, партийная власть выставила писателя запойным пьяницей. В действительности, за две недели до рокового выстрела Фадеев бросил пить. Он стал подводить итоги прожитой жизни. И писать письма. Его предсмертное письмо в ЦК КПСС было немедленно изъято. Его не показывали даже жене. Родственникам и друзьям-писателям оставалось только гадать о содержании документа. Письмо пролежало в архиве 34 года и только на излёте советской власти было опубликовано в еженедельнике ЦК КПСС «Гласность».

«Не вижу возможности дальше жить, так как искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии и теперь уже не может быть поправлено. Лучшие кадры литературы — в числе, которое даже не снилось царским сатрапам, физически истреблены или погибли, благодаря преступному попустительству власть имущих; лучшие люди литературы умерли в преждевременном возрасте; все остальное,

мало-мальски ценное, способное создавать истинные ценности, умерло, не достигнув 40–50 лет <...> всю жизнь я плёлся под кладью бездарных, неоправданных, могущих быть выполненными любым человеком, неисчислимых бюрократических дел. И даже сейчас, когда подводишь итог жизни своей, невыносимо вспоминать всё то количество окриков, внушений, поучений и просто идеологических пороков, которые обрушились на меня», — говорится в предсмертном письме Фадеева [Цит. по: 9, с. 293–294].

*Любил рубашки голубые,
застольный трёп и славы дым,
и женщины почти любые
напропалую шли за ним.* [6, с. 150]

О личной жизни Фадеева ходили легенды. Он был женат на знаменитой актрисе Ангелине Степановой. Он был горячо увлечён вдовой Булгакова — Еленой Сергеевной. От него была дочь у Маргариты Алигер — синеглазая Маша, как две капли воды похожая на своего красавца отца. Поэт Мария Петровых посвятила ему стихотворение, которое Анна Ахматова назвала «шедевром лирики». «Назначь мне свиданье на этом свете. / Назначь мне свиданье в двадцатом столетье. / Мне трудно дышать без твоей любви. / Вспомни меня, оглянись, позови!»

Александр Фадеев обладал потрясающей харизмой, той самой, которая дана не каждому и о которой мечтают амбициозные писатели и не менее амбициозные политики, — гипнотизирующим обаянием, признаком ярких, талантливых, неординарных людей.

*Напропалую, наудачу,
навывлет жил, орлом и львом,
но ставил равные задачи
себе — с Толстым, при этом — с Львом.* [6, с. 150]

Упоминание Льва Толстого — не случайно. В мечтах Фадеев видел себя лучшим писателем в мире, всю жизнь старательно подражал толстовской эпичности и даже принимал участие в работе над изданием Полного собрания сочинений классика. Да, честолюбив. Он любил франтовато подписывать письма: «Александр Фадеев, эсквайр».

*Был солнцем маленькой планеты,
где все не пахут и не жнут,
где все — прозаики, поэты
и критики — бумагу мнут.* [6, с. 150]

Союз писателей СССР был мертворождённым образованием Сталина. А Фадеев был лидером этой выморочной организации, отказавшимся от звания творца ради проведения линии партии в творческой среде. Почему Сталин именно Фадеева утвердил генсеком Союза писателей? Об этом есть байка, которую в своих книгах приводят многие свидетели советской эпохи. Владимир Тендряков в рассказе «Охота» рассказывает её так: «Горький в очередной раз давал обед. Присутствовал Сталин с “верными соратниками”. Собрался весь цвет нашей литературы — лучшие из певчих, виднейшие из литстерьвятников.

После соответствующих возлияний, в минуту, когда отмякают сердца, кто-то, едва ли не сам радушный хозяин Алексей Максимович, прочувствованно изрек: “Как плохо, что среди братьев писателей существуют свары и склоки, как хорошо, если бы их не было”. Этот проникновенный призыв к миру был почтен всеми минутой сочувственного молчания, скорбные взгляды устремились в сторону Авербаха и Фадеева. Неожиданно поднялся Сталин — с бокалом в руке или без него, — подозвал к себе обоих.

— Нэ ха-ра-шо, — сказал он отечески. — Оч-чэнь нэ харашо. Плахой мир лучше доброй ссоры. Пратяните руки, памиритесь! Прашу!

Просил сам Сталин, не шуточка.

И Фадеев, доброжелательный, открытый, отнюдь не злопамятный, шагнул к Авербаху, протянул руку. Авербах с минуту глядел исподлобья, потом медленно убрал руки за спину. Рука Фадеева висела в воздухе, а за широким застольем обмирали гости — великий вождь и учитель попадал в неловкое положение вместе с Фадеевым.

Но Сталин не был бы Сталиным, если б вовремя не предал того, кто потерпел поражение. Он сощурил желтые глаза:

— То-варищ Фадэев! У вас сав-всэм нэт характера. Вы безвольный чела-вэк, то-варищ Фадэев. У Авэрбаха есть характэр. Он можэт пастаять за сэбя, вы — нэт!

И, наверное, был восторженно умиленный гул голосов, и можно представить, как пылали большие уши Фадеева, и, наверное, Авербах спесиво надувался сознанием своего превосходства.

Будто бы именно с того случая Фадеев стал круто подниматься над остальными писателями, его недоброжелатели сразу стушевались.

У Фадеева не было характера, у Авербаха он был... Авербаха вскоре арестовали, он бесследно исчез.

Это легенда? Правда? Вымысел? В какой мере?.. Я не знаю. Слышал ее не единожды из разных уст» [7, с. 243].

Не будем рассказывать историю дружбы и вражды Александра Фадеева и Леопольда Авербаха. Постановление ЦК о ликвидации РАППа было уже подписано. И, разыгрывая этот спектакль, Сталин развлекался. Он играл с Фадеевым как кошка с мышью. Но это была не только игра. Это была проверка, своего рода экзамен. И вопреки выводу, который тут напрашивается, этот экзамен Фадеев выдержал.

*Хитро, толково, мудро правил,
судил, рядил, карал, марал
и в чем-то Сталину был равен,
хмельного флота адмирал,
хмельного войска полководец,
в колхозе пьяном — бригадир.
И клял и чтил его народец,
которым он руководил. [6, с. 150]*

Алкоголизм советских писателей тоже вошёл в легенду. Для творцов партийной литературы запой был единственно доступной формой саботажа. Союз писателей иногда именовали «союзом собутыльников». Но убивает русских писателей не алкоголизм, а муки совести и невозможность делать то, что можешь и хочешь, убивает отсутствие воздуха. Чиновник Фадеев оказался категорически несовместим с писателем Фадеевым. Кстати, к результатам своей писательской деятельности Фадеев относился более чем критически. Так, он не лукавил, когда противился празднованию пятидесятилетия, не хотел никаких юбилейных торжеств и выступил в зале Чайковского с повергнутой собравшихся в ступор речью: стыдно было бы мне, автору всего лишь одного законченного романа...

Конечно, это творческая неудача, и сам Фадеев прекрасно это понимал: вторая редакция «Молодой гвардии» стала самой знаменитой его книгой (первое издание было жёстко раскритиковано Сталиным, который остался недоволен тем, что в романе не отражена руководящая роль партии в борьбе с захватчиками). Но всё же этот текст, искромсанный, изрезанный, ампутированный, выглядит настоящим лучом света на фоне серости и однообразия литературы второй половины 40-х. Ну, кого из писателей тех лет вы ещё вспомните? Конечно, на взгляд современного читателя «Молодая гвардия» выглядит ужасно пафосно и наивно, но это легко объяснимо. Почему объяснимо? Потому, что Фадеев должен был рассказать о фактах, от которых и теперь стынет кровь в жилах, он был искренен, когда писал, что ему в руки попал материал, который мог бы камень расплавить. И потому, что он

был талантливый писатель. Превозносимый и проклинаемый, оклеветанный и многократно скомпрометировавший сам себя, совершивший много непоправимых поступков, написавший очень мало, гораздо меньше, чем следовало, он был талантлив, и этот талант ощущается уже с первых опубликованных произведений. Вспомните описания природы в «Разгроме», вспомните героев этого произведения — это не типичный для прозы 20-х человек-схема, они ярко и точно прописанные личности.

*Но право живота и смерти
выходит боком нам порой.
Теперь попробуйте измерьте,
герой ли этот мой герой. [б, с. 150]*

Брезгливому отношению некоторых литературоведов к «властолюбивому Фадееву» противоречат современники, в мемуарах и свидетельствах постоянно подчёркивающие его доброту, участие и внимание к тем, кто оказался в сложных материальных и жизненных обстоятельствах. В 1939-м Фадеев накладывает запрет на публикацию стихов Ахматовой в «Московском альманахе», но 17 ноября на заседании президиума Союза писателей говорит о нищенском материальном положении их автора и вносит предложение об оказании ей материальной помощи; более того, в 1940 году он выдвинул поэтическую книгу Ахматовой «Из шести книг» на Сталинскую премию. В 1946-м, после разгромного доклада А. А. Жданова, Фадеев обвинит Ахматову в «барском, чуть не крепостническом отношении к народу», а в марте 1956-го попытается помочь освобождению Льва Гумилёва. По свидетельству Лидии Чуковской, после самоубийства Фадеева Ахматова сказала: «Я Фадеева не имею права судить». В 1948 году Фадеев пишет официальное письмо в Литфонд и просит выделить значительную сумму для оставшегося без средств к существованию Михаила Зощенко. Он вступался за многих: за Оксмана, за Заболоцкого, а во время блокады с его помощью были вывезены из Ленинграда Пантелеев, Габбе, Любарская. Он громил Пастернака за чуждость советской идеологии и в то же время обожал его стихи. Вениамин Каверин вспоминал, что запои Фадеева, доходившие до того, что он валялся в Переделкине по канавам, начинались с чтения любимого стихотворения Пастернака. Выстрелом в сердце искупил ли он свои преступления? Надо быть Господом Богом, чтобы ответить на этот вопрос.

В своей речи на встрече с французскими читателями в 1949 году А. А. Фадеев говорил, вспоминая время, когда мировоззрение юного писателя формировалось, а в уме и сердце рождались образы, впоследствии воплотившиеся

в художественных произведениях: «Это время сохранилось в памяти народной как время гражданской войны. Время это называют также “походом четырнадцати держав против Советской России”. Нам нужно было выбирать, на чью сторону встать. Выбирать нужно было потому, что этого требовала совесть. Выбирать нужно было и потому, что тех, кто не встал на ту или другую сторону, били и с той и с другой стороны. Нам нетрудно было выбрать. Мы учились на медные деньги своих родителей. Мой отец и мать, фельдшер и фельдшерица в глухой деревне, еще сами обрабатывали землю. Таковы были и мои немногочисленные товарищи по школе. Жизнь рабочих и крестьян была нам близка.

Так, полные юношеских надежд, с томиками Максима Горького и Некрасова в школьном ранце, мы вступили в революцию.

Мы полны были пафоса освободительного, потому что над Сибирью и русским Дальним Востоком утвердилась к тому времени власть адмирала Колчака, более жестокая, чем старая власть. Мы были полны пафоса патриотического, потому что родную землю топтали подкованные башмаки японских интервентов.

Как писатель, своим рождением я обязан этому времени.

Я познал лучшие стороны народа, из которого вышел. В течение трех лет вместе с ним я прошел тысячи километров дорог, спал под одной шинелью и ел из одного солдатского котелка» [Цит. по: 2].

Но немногим позже Анна Ахматова сказала: «Наше время даст изобилие заголовков для будущих трагедий». Она же после самоубийства Фадеева пророчески заметила, что лет через 50 будет, наверное, написана трагедия в пяти актах «Александр Фадеев». В этих противоречивых высказываниях содержится ответ на главные вопросы, которые могут возникнуть у современного читателя, интересующегося биографией Фадеева. Прежде всего нужно уяснить: Александр Фадеев с самого начала осознавал свой биографический и творческий путь через духовную близость к Коммунистической партии и большевистской идеологии. «Как начала создаваться советская литература? — говорил А. Фадеев. — Она создавалась людьми такими, как мы, когда по окончании гражданской войны мы стали сходить из разных концов нашей необъятной родины — партийные и ещё более беспартийные молодые люди, — мы обнаружили то, что сколь общи наши биографии при разности индивидуальных судеб. <...> Мы входили в литературу волна за волной, нас было много. Мы принесли свой личный опыт жизни, свою индивидуальность. Нас соединяло ощущение нового мира как своего и любовь к нему» [Цит по: 2].

Александр Фадеев (Булыга) принадлежал к тому поколению, для которого самой высокой честью было служение партии, служение своему Советскому государству. Он любил новый мир, видел его прекрасным и во имя этой любви был готов пожертвовать многим, в итоге получилось — всем. Психологию революционного поколения блестяще раскрыл Алексей Толстой в «Голубых городах»: «Войти в будни, раствориться в них не могу, а быть личностью, торчать одиноко тоже не могу». Поначалу Фадеев выбрал способ служения партии и народу через творчество, многие вспоминают, что работал он сутками, в прямом смысле не щадя себя, как средневековый подвижник, доходя до изнурения, — физически крепкий молодой человек, перенёсший ранения на Дальнем Востоке и в Кронштадте! «Главное же, войти в ту внутреннюю атмосферу творчества, в которой ощущаешь, что отдаёшь делу всего себя, органически понимаешь тему и — свободен выражать всё, что понимаешь и чувствуешь» [2]. Но свободы-то и не было, а было принуждение; чем стремительнее развивалась карьера, тем больше тормозилась литературная деятельность, и второй способ служения — руководство писателями — убил её окончательно. Процессом творчества руководить в принципе невозможно, можно быть только надсмотрщиком над подчинёнными и надзирателем над собой, Фадеев не только собратьев-писателей лишил свободы, но и себя её лишил! Во имя общественной работы пересматривались и откладывались замыслы, забывались обещания, в итоге из творческих планов не было осуществлено практически ничего. Не был завершён «Последний из удэге», многострадальная книга, над которой Фадеев работал более 30 лет, по его собственному признанию, возникшая под сильным влиянием любимого в детстве Фенимора Купера, предварялась в журнале «Октябрь» словами о том, что «тема романа зародилась под большим влиянием книги Энгельса “Происхождение семьи, частной собственности и государства”!»! Последний литературный заказ, монументальная эпопея «Чёрная металлургия», остался в заметках, набросках и записных книжках. Вечное русское противостояние «поэт и царь» в случае ничтожества завершается скверным анекдотом, в случае таланта — трагедией. Трагедия же Фадеева в том, что музу свою он задушил самолично. Как вспоминал уже после смерти писателя Вениамин Каверин, «...я стал думать об этом человеке, одарённом необычайной силой, сказывавшейся во всём, и, может быть, более всего в борьбе, которую он вёл против самого себя. Картина его души представилась мне — и что только в ней не было, чем только она не поражала!» [3, с. 332].

Нельзя сказать, чтобы Фадеев не пытался вырваться. Он несколько раз приезжал на Дальний Восток, в край своей юности, думал и о том, чтобы остаться там навсегда. «Я решил, — говорил он в 1935 году, — не покидать родной прекрасный край, остаться в ДВК, в Москву наезжать изредка» [Цит. по: 4]. К несчастью, под давлением обстоятельств Фадеев отказался от этого намерения. Не будем забывать и о том, что в литературе, несмотря на свой высокий пост, Фадеев практически ничего не решал, литературой 30-х и 40-х управлял главный читатель страны — Сталин. Решения Сталина были для Фадеева своего рода категорическим императивом, высшим нравственным законом, которому невозможно не подчиняться. Чин генерального секретаря был пожалован Фадееву тоже по воле Сталина. Сегодня подобные схемы называют проектом, в случае с Фадеевым это был лучший сталинский идеологический проект, идеальное кадровое решение: Фадеев действительно верил партии, любил вождя и служил не за страх, а за совесть. Когда же служба закончилась, то кончилась и жизнь.

Конечно, была и депрессия, и запои, на пороге старости начались проблемы со здоровьем. Оглядываясь назад, Фадеев понимал, что загубил лучшие творческие годы на совершенно необязательную ерунду. Свободу «выражать всё, что понимаешь и чувствуешь», заменила бюрократическая канцелярщина.

Но если в молодые годы можно было успокаивать себя тем, что реализовать свой талант можно когда-нибудь попозже, то на пороге старости успокоить себя было уже нечем. На XX съезде партии, который состоялся в феврале 1956 года, Михаил Шолохов открыто обвинил Фадеева в репрессиях писателей. Ему припомнили доносы, разжигание «борьбы с космополитизмом», травлю Зощенко, Ахматовой, Платонова, Пастернака. От Фадеева отвернулись коллеги. Вскоре бывшего любимца Сталина отстранили от руководства Союзом писателей СССР. И он теряет почву под ногами. Вся жизнь Фадеева летит под откос: наступившее новое время отвергло его служение.

Приведём ещё одну цитату из предсмертного письма Фадеева, которое было обнародовано только в 1990 году: «Жизнь моя как писателя теряет всякий смысл. И я с превеликой радостью, как избавление от этого гнусного существования, где на тебя обрушиваются подлость, ложь, клевета, ухажу из этой жизни. Последняя надежда была хоть сказать это людям, которые правят государством, но в течение уже трех лет, несмотря на мои просьбы, меня даже не могут принять» [Цит. по: 9, с. 294].

Александр Фадеев, не желая того, причинил русской литературе много вреда, а своим коллегам-писателям — много зла. При этом искренне верил в

непогрешимость партии и свою незапятнанную чистоту. Для Фадеева было дикостью, что писатели, ещё вчера превозносящие Сталина, начали публично осуждать бывшего вождя народов.

На той должности и с теми обязанностями, которые он на себя взвалил, ему просто необходимо было ощущать себя порядочным человеком. Но чем дальше, тем сильнее одолевали сомнения. Вероятно, апогеем душевного разлада стал 1956 год. Бенедикт Сарнов в книге «Сталин и писатели» приводит воспоминания приятеля Фадеева, писателя и журналиста Юрия Либединского: «... Саша сказал: такое чувство, точно мы стояли на карауле по всей форме, с сознанием долга, а оказалось, что выстаивали перед нужником» [Цит. по: 5, с. 504].

После развенчания культа личности, после того, как репрессированные стали возвращаться из тюрем, а новые руководители партии и государства, которые сами творили террор в сталинские годы, сделали Фадеева главным виновником репрессий, после того, как коллеги-писатели от него отвернулись, после того, как в ресторане ЦДЛ в пьяном бреду стали бубнить: «Всех нас посадил Сашка!», после того, как выяснилось, что он всю жизнь стоял на страже, но это был караул у сортира...

Он не мог с этим жить. Узнав о смерти Фадеева, Корней Чуковский записал в своем дневнике: «Мне очень жаль милого А.А. — в нём — под всеми наслоениями — чувствовался русский самородок, большой человек, но боже, что это были за наслоения! Вся брехня Сталинской эпохи, все её идиотские зверства, весь её страшный бюрократизм, вся её растленность и казённость находили в нём своё послушное орудие. Он — по существу добрый, человечный, любящий литературу “до слёз умиления”, должен был вести весь литературный корабль самым гибельным и позорным путём — и пытался совместить человечность с гепеушничеством. Отсюда зигзаги его поведения, отсюда его замученная СОВЕСТЬ в последние годы. Он был не создан для неудачничества, он так привык к роли вождя, решителя писательских судеб — что положение отставного литературного маршала для него было лютым мучением» [8, с. 215]. Пожалуй, лучше и не скажешь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Авченко, В. О. Фадеев / В. О. Авченко. — Москва : Молодая гвардия, 2017. — 365, [1] с., [16] л. ил., портр., факс. — (Жизнь замечательных людей : серия биографий ; вып. 1822) ; То же. — Текст : электронный // КулЛиб : [открытая электронная библиотека]. — URL: <https://coollib.net/b/401320-vasiliy-olegovich-avchenko-fadeev/read>.

2. Зелинский, К. А. А. Фадеев. (Критико-биографический очерк) / К. Зелинский. — Текст : электронный // Молодая Гвардия. Героям Краснодона посвящается... : [сайт]. — URL: <https://www.molodguard.ru/heroes4902.htm>.
3. Каверин, В. А. Эпилог : [мемуары] / В. А. Каверин. — Москва : Эксмо, 2012. — 573, [2] с. — (Классика в вузе).
4. Лосев, А. В. Фадеев А. А. на Амуре / А. В. Лосев. — Текст : электронный // Амурские сезоны : [краеведческий портал о Приамурье]. — URL: <http://гео-амур.рф/sources/cultural/cultural-x=038.php>.
5. Сарнов, Б. М. Сталин и писатели. Кн. 4 / Б. М. Сарнов. — Москва : Эксмо, 2011. — 1180, [2] с. — (Диалоги о культуре).
6. Слуцкий, Б. А. Двадцатый век Бориса Слуцкого : избранные стихотворения, воспоминания современников / Б. А. Слуцкий ; вступ. ст., сост. В. Ткачёв. — Екатеринбург : Автограф, 2021. — 310, [8] с.
7. Тендряков, В. Ф. Охота : [сборник] / В. Тендряков. — Москва : Правда, 1991. — 441, [2] с. — (Библиотека журнала «Знамя»).
8. Чуковский, К. И. Дневник : [в 3 т.]. [Т. 3] : 1936–1969 / К. И. Чуковский ; [сост., подгот. текста, коммент. Е. Ц. Чуковской]. — Москва : ПРОЗАиК, 2011. — 638, [1] с.
9. Шепчугов, П. И. Александр Фадеев. Между властью и творчеством / П. И. Шепчугов. — Москва : Вече, 2017. — 317, [1] с., [4] л. ил., портр. — (Моя Сибирь).